

- 1995; Горшков В. Г. Запасы и потоки информации в биоте и цивилизации // Доклады РАН, 1996. – № 350(1) – с. 135–138; Горшков В. Г., Макарьева А. М. Влияние девственной и освоенной человеком биоты на глобальную окружающую среду // Исследование Земли из космоса. – 1999. – № 5. – с. 3–11.
22. Соколов В. Е. Новый этап в развитии природоведческих знаний // Земля людей. Сб. – Вып. 6. – М., 1984. – с. 147.

А.А. Иванов

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВАТОРСТВО В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

*А.А. Иванов, д.и.н., профессор,
Иркутский государственный
университет*

Наверное, сегодня, в конце первого десятилетия XXI века, найдется немного «специалистов», продолжающих говорить о «кризисе», «полном хаосе» или «глубокой стагнации» отечественной исторической науки. Да и был ли «хаос»? Скорее – период, когда глубинные социально-политические и экономические сдвиги в развитии нашего общества потребовали от историков пересмотра, переосмысления и большинства теоретических концепций, и методологических инструментов. Повышенный интерес к собственной истории, наблюдавшийся в конце 1980 – начале 1990-х годов, помимо открытия «белых пятен» и малоизвестных фактов, сопровождался и откровенной политической спекуляцией в оценках роли отдельных личностей и событий и примитивным очернительством советского периода истории России.

На наш взгляд, сегодня идет активный, и в целом позитивный, поиск методологической основы дальнейшего исследования собственной истории. Этот процесс происходит как на уровне теоретико-методологическом (определение основных принципов и подходов, выявление современных методов и методик), так и на срезе решения конкретных историографических и исторических проблем. Историческая наука освобождается от прошлых идеологических наслоений (обретая, впрочем, новые, но эта тема отдельного исследования), пересматривает взгляды на взаимоотношения с политикой, государством и обществом.

Стремление осмыслить состояние современной отечественной исторической науки – процесс объективный. Думается, что он присущ большинству историков не только научных и вузовских центров нашей стра-

ны, но и провинциальным исследователям, в том числе и ученым нашего региона. Доказательством тому служат последние публикации историков. Рассмотрим лишь некоторые.

Безусловного внимания и изучения заслуживает, на наш взгляд, вышедший в 2007 г. очередной 28-й по счету выпуск единственного в регионе специализированного периодического издания сборника «Методологические и историографические вопросы исторической науки» наших томских коллег¹. Настоящий том посвящен 90-летию со дня рождения крупного ученого и организатора российской исторической науки, академика Александра Ивановича Данилова (1916–1980). В предисловии, в частности, сказано, что А.И. Данилов «являлся настоящим историком, профессионалом, чья фигура знаковым образом выявляет преемственность в развитии лучших традиций отечественной историографии». Вот этой теме – преемственности исследований, концепций и методологий советских и постсоветских исследователей, и посвящен в основном настоящий сборник.

Сборник открывает обширная статья Б.Г. Могильницкого, которая так и называется: «У истоков Томской историографической школы. А.И. Данилов и проблема преемственности в отечественной историко-теоретической мысли XX века». Историографические работы Бориса Георгиевича Могильницкого хорошо и давно известны специалистам далеко за пределами нашего региона². Начав работать еще в советский период, в рамках жесткого партийного, классового подхода в оценке исторических явлений, ученый в постперестроечной России, на наш взгляд, не отказываясь и не отрекаясь от прошлых наработок, что было совсем нередко, сумел трансформировать и значительно расширить свои научные представления. Подтверждением сказанному служит, например, двухтомник «История исторической мысли XX века», изданный в Томске в 2001–2003 гг., в котором даны взвешенные, подлинно научные оценки развития исторической науки в Европе и России³.

В настоящей статье Б.Г. Могильницкий на примере Томской историографической школы исследует проблему «разрывов» и преемственности в трансформации исторической мысли. По его мнению, непрерывные разрывы, порождающие множество конкурирующих друг с другом научных стратегий, а не общепринятую парадигму исторического познания, ставят под угрозу саму возможность «существования исторической науки как некоторой содержательной целостности», веками накапливавшей свой фактографический арсенал и совершенствовавшей методы его обработки («с целью формирования Образа истории»).

Как избежать разрывов и сохранить преемственность, ведь преемственность без новаций ведет к закостенелости, а ее забвение порождает раздробленность, утрату целостности? Анализируя публикации «обновленных» «Анналов» конца 1980–1990-х годов, исследователь очень точно

определяет ответ на этот вопрос – необходимо сочетание преимущества «с построением действительно нового и оригинального интеллектуального проекта».

По мнению Б.Г. Могильницкого, «Анналы» играют роль, своего рода, экспериментального полигона для всего мирового исторического сообщества, демонстрируя другим национальным школам перспективы изучения истории под указанным углом зрения с учетом, конечно же, своей специфики.

О какой специфике идет речь применительно к отечественной историографии? Конечно же, о ее развитии в русле марксистско-ленинской формационной теории, что более семидесяти лет определяло мировоззренческие, общетеоретические и методологические принципы существования науки.

Именно эта, классовая по сути своей, традиция и формировала, по мысли автора, и облик Данилова-ученого и педагога. Однако существовала и «другая традиция». А.И. Данилов был близким учеником выдающегося советского медиевиста, профессора Московского университета Александра Иосифовича Неусыхина (1898–1969), а тот, в свою очередь, по праву чтит своим учителем академика Дмитрия Моисеевича Петрушевского (1863–1942), представителя социально-экономического направления, возникшего в 80-х годах XIX в., чьи труды по истории средневековой Европы актуальны до сих пор. Как считает Могильницкий, последняя традиция – традиция дооктябрьской русской историографии – оказалась «более стойкой, чем социокультурные реалии советской эпохи». По его мнению, она переплеталась с первой, «вступая с ней в сложные, подчас внутренне противоречивые отношения» и сыграла значительную роль в формировании томской историографической школы.

Чем же интересна для нас эта вторая традиция? Прежде всего, стремлением, как указывает автор, «к широким историко-теоретическим построениям в режиме долгого времени». Упростив слог, пойдем, Б.Г. Могильницкий говорит об общей высокой исторической и историографической эрудиции исследователя, занимающегося пусть даже, казалось бы, частной, «точечной» проблемой, об умении ученого рассмотреть «свою» тему на общеисторическом фоне.

Другим важнейшим составляющим элементом русской дореволюционной историографии, усвоенным и развитым А.И. Даниловым, автор считает среду существования этой «традиции». Средой этой были не только страницы академических журналов, но и профессорская лекция. Для русской профессуры лекция всегда носила особый характер, считает Б.Г. Могильницкий. Она была не только средством передачи знаний, но и способом самовыражения, демонстрации своего мировоззрения по самым разнообразным вопросам исторических проблем и исторической науки. Это

помогало, как пишет автор, воспитывать «не узких специалистов, а именно «всеобщих» историков»,

стремившихся осмыслить закономерности развития как своего предмета исследования, так и истории в целом.

Вполне уместным будет здесь цитата из воспоминаний Н.Н. Щербакова о профессоре С.В. Шостаковиче. Подчеркивая важнейшую мировоззренческую роль лекций своего учителя, Щербаков писал: «...уже с первого курса Сергей Владимирович ненавязчиво прививал вкус к источнику. Он просил дотошно анализировать каждую строку документа, определять социальный смысл отражаемых в нем событий, их политическую подоплеку и подлинность. <...> Думаю, что он не был тем наставником, которые своей задачей считают постоянное наставление или назидание по поводу и без повода. Сергей Владимирович обладал замечательным качеством – будить в своем подопечном мысль. Какое бы ты мнение в своей работе не высказывал, оно должно быть оригинальным и обоснованным. А еще он советовал смотреть на тему исследования шире региональных, провинциальных рамок. Учитель никогда не навязывал ту или иную проблему, она, по его мнению, должна логически зависеть от источника. Он ненавязчиво рекомендовал собирать документы, касающиеся темы работы, по всей России, готовить источниковую базу на будущее, а не только с сиюминутной целью»⁴.

В качестве третьего компонента традиции русской историографической школы Б.Г. Могильницкий выделяет т.н. нравственную составляющую, подчеркивая при этом высокие моральные качества исследователей дооктябрьского периода. Глубоко нравственным для историка, по мысли автора, является не огульная критика западной или «буржуазной» историографии, а их последовательное изучение, выявление сильных и слабых сторон. Историк, не знающий зарубежной историко-теоретической традиции, не может выбрать и правильного методологического инструмента своего исследования. С другой стороны, исследователь, стремящийся отказаться, «откреститься» от опыта, накопленного отечественной историографией за годы Советской власти, «сжечь мосты», рискует потерять историческую традицию.

Б.Г. Могильницкий считает, что сохранение и развитие всех вышеперечисленных традиций и позволило Томской историографической школе «без особых потрясений» пережить «смутное время» конца 1980-х – 1990-х годов и органично войти в изменившуюся социокультурную действительность. При этом – и это главное – такое «вхождение» было следствием не приспособления, а трансформации исследовательских принципов школы. Именно трансформация, а не разрыв со своим прошлым.

Итак, одна из важнейших научных проблем, выделяемых Б.Г. Могильницким – преемственность настоящих исторических исследований с

наработанным прежним пластом исторических знаний и представлений.

Хорошо известно, что в исторической науке новые исследования никогда не возникают из ничего, на «пустом месте». Преемственность научных представлений и научного поиска – важнейшее условие дальнейшего существования исторической науки. Однако глубина проблемы состоит в том, что эта преемственность как раз и зависит от степени осознания современными исследователями необходимости признания старой методологии – не признаем марксистско-ленинское материалистическое понимание истории, определявшее мировоззренческие, общетеоретические и методологические принципы советской историографии, безраздельно господствовавшие в тот период, значит, не сможем развивать дальше историческую науку. Другого пути не надо.

Однако понимание этой ситуации свойственно далеко не всем. О существовании такой проблемы можно судить, хотя бы по защищаемым в диссертационном совете при Иркутском государственном университете кандидатским работам. Говоря о методологии своего исследования, абсолютное большинство молодых ученых, защищавших свои работы в последнее пятилетие ушедшего века и вплоть до наших дней, неизменно утверждают об избранном ими «новом» методологическом инструментарии, как под копирку повторяя отказ от марксистско-советских, узкоклассовых методов, воздавая хвалу «современным деидеологизированным условиям» развития исторического познания.

А какой же методологией при этом оперируют исследователи?

Ведущими принципами при написании диссертаций объявляются историзм и объективность, а методами – историко-типологический, историко-сравнительный анализ, историко-генетический, ретроспективного анализа, синтеза и другие, присущие как исторической науке, так и естественным и гуманитарным наукам в целом. Но все эти принципы и методы свойственны в полной мере и марксистско-ленинскому, формационному подходу в оценке исторических явлений! Значит, для большинства молодых исследователей определение методологии научного поиска до сих пор остается не осознанной потребностью, а соблюдением своего рода одного из обязательных формальных признаков «диссертабельности» научного сочинения. При этом, как правило, введение, содержащее выбор методологии, а также историографический и источниковедческий анализ работы, пишется в последнюю очередь, тогда, когда уже закончены основные главы.

Понятно, что такой «подход» к определению методологии собственного научного сочинения появился как раз в период господства в науке марксистско-ленинской парадигмы, когда очень часто результаты поиска историка подгонялись под соответствующие идеологические догматы, а целые отрасли отечественной историографии, как, например, история

КПСС или новейшая история СССР были политизированы и идеологизированы. Но сегодня, когда со времени отмены шестой статьи брежневской Конституции о руководящей роли коммунистической партии в обществе прошло уже более 15 лет, такое отношение к выбору методологии просто не приемлемо.

Тот же формальный «подход» свойственен и для большинства историографических обзоров диссертаций. Как правило, автор в самом начале обзора уже делает бодрый вывод о том, что вся досоветская историография ничем не обогатила процесс изучения темы, а была лишь, в лучшем случае, временем «накопления определенного фактического материала или знаний». Подобное пренебрежительное отношение проявляется и ко всему более чем семидесятилетнему советскому периоду – «эпизодически исследовались лишь отдельные аспекты изучения темы, а выводы историков соответствовали духу времени». И вот только в постсоветский период развития нашей науки историки получили возможность «объективно и всесторонне» исследовать то или иное явление.

Нетрудно заметить в таком «подходе» к историографии некие «советские уши». По существу, многие молодые исследователи относятся к историографии как раз с тех самых пресловутых классовых позиций, которые клеймили в собственном историографическом обзоре. Досоветская, значит, буржуазная, идеалистическая – плохо, советская – идеологизированная – тоже никуда не годится. Но историографический процесс нельзя рассматривать как простое отражение классовой борьбы, иначе теряется главное – преемственность исследований различных поколений отечественных историков, без чего невозможно дальнейшее развитие истории как науки.

Значит, с одной стороны, начинающий исследователь должен совершенно четко осознавать, что категорический «отказ от Маркса» невозможен и нужен синтез подходов, а с другой – историографический и конкретно исторический анализ в научной работе – две взаимозависимые и взаимодополняющие друг друга составляющие одного исследовательского процесса. Процесс этот подразумевает трансформацию исторической мысли и не терпит разрывов.

У историографического обзора есть и еще одна задача. Помимо выявления преемственности исследований историков различных поколений и научных школ в разработке какой-либо проблематики, историографический анализ призван установить степень изученности того или иного сюжета темы. Иными словами, выявить лакуны и пробелы, определить меру изученности исследования. Это – важная самостоятельная задача, от решения которой зависит буквально все дальнейшее построение работы.

В обзоре письменных источников по той или иной конкретной исторической проблематики можно также найти и такой штамп – «все вышеперечисленные источники, – утверждает автор, – позволяют в полной мере

решить цель и задачи исследования...». «В полной мере» – это также опасное заблуждение, так как абсолютно полное изучение объекта исследования невозможно. Невозможно по целому ряду причин, о которых историки, конечно же, знают.

В этой связи молодой исследователь, наверное, должен не столько показать источниковую базу своей работы, сколько установить ее «неполноту», т.е. определить долю используемых им исторических источников относительно всего комплекса источников по данной теме. Это также самостоятельная научная задача, и очень важная, ведь ее решение подчас определяет и выводы исследования в целом.

Но вернемся к Б.Г. Могильницкому. По его мнению, одно из важнейших условий существования Томской историографической школы сегодня – осознание необходимости постоянного, неослабевающего, конструктивного диалога с западными исследователями в области методологии истории. Не только изучение и выявление новых подходов в зарубежной методологии, но взаимодействие как способ получения более глубоких знаний и теоретических представлений. При этом необходим периодический пересмотр уже наработанных теоретических установок и поиск новых исследовательских инструментов.

Поиск новых современных методологических концепций характерен и для иркутских ученых. В качестве примера этому тезису рассмотрим работу профессора А.С. Маджарова, которая имеет и характерное название: «В поисках мысли...»⁵. В центре внимания исследователя учебник М.Ю. Лачаевой «Историография истории России до 1917 года», изданный в Москве в 2003 г. Книга А.С. Маджарова выстроена в виде непрерывной полемики с главным редактором учебника, в ходе которой проявляются два различных подхода к пониманию методологии историографии отечественной истории.

Как это ни парадоксально, но главный недостаток учебника, призванного научить студентов на доступном для них уровне пониманию основных закономерностей развития истории исторической науки в России, по мысли А.С. Маджарова, заключается в недооценке коллективом авторов «значения историографии как процесса, как движения мысли, теоретического аспекта мысли».

В чем же усматривается эта «недооценка»? Главный системный порок учебника, считает автор, в его концепции историографии как «суммы биографий с аннотированным перечнем трудов». Надо сразу добавить от себя – суммы биографий в учебнике нет. «Сумма» предполагает какое-то целое, здесь же – перечень биографий российских историков, построенный по хронологическому принципу.

Итак – набор биографий. В большей части учебника в названиях глав выносятся не научное направление, к которому принадлежал автор, а его

фамилия. Конечно, заголовки – «внешний» признак, относящийся, в известной степени, к оформлению книги. Но за «внешним», считает А.С. Маджаров, скрываются обособленные очерки, «которые оставляют за бортом важнейшую проблему историографии – ее развитие».

Именно развития историографии как неразрывного процесса истории исторической науки и мысли в учебнике М.Ю. Лачаевой нет. Здесь, считает А.С. Маджаров, теряется само назначение, социальная функция историографии – «история описания и осмысления опыта – история науки, мысли». Нет развития, значит, нет истории возникновения, эволюции, специфики, взаимодействия и борьбы школ, течений, направлений в историографии, а есть только «сумма биографий отдельных историков». «Невнятно» и «запутанно» даны в учебнике и вопросы методологии историографии. Студенту, считает А.С. Маджаров, предстоит проделать «гораздо большую работу», чем проделал рецензент, «по расшифровке и доведению текста до приемлемого теоретического уровня, чтобы не излагать на экзамене «ошибочные, путаные, устаревшие взгляды на классическую русскую историографию».

За критикой недостатков нового учебника вдумчивый читатель найдет, пожалуй, главное в книге А.С. Маджарова – стремление автора показать место и роль историографии в развитии исторической науки вообще, и сегодня, в наши дни, особенно. Это стремление, а точнее, потребность, красной нитью проходит и в другой работе ученого – в предисловии к сборнику докладов и материалов Пятых Щаповских чтений, прошедших в Иркутске в октябре 2006 г.⁶

По мысли исследователя, историческая наука, «структурирующая общественную память, инерционна», она не может за достаточно короткий срок избавиться от «глубоких структурных особенностей», оставшихся от советских времен. Это проявляется как на общероссийском, так и местном, региональном, уровне. Что же это за «особенности»? Их много. Автор называет основные, при этом высказывается достаточно резко и даже не пытается как-то смягчить общий тон своих оценочных суждений (видимо, наболело). Он говорит, прежде всего, о «плоском методе (голое повторение документа, «позитивизм»)), за которым не стоит мысль историка (ее у него не только нет, но даже нередко отсутствует и само понимание этой мысли)». Часто нет и «внятной концепции» в отношении советского и постсоветского периода истории.

К «структурным особенностям» автор относит и незнание основ источниковедения «(в современных диссертациях по «современной» отечественной истории)» и историографии, когда последняя заменяется простым перечнем авторов и книг, а сам исследователь «не понимает внутреннего движения науки»; проблематику исторических сочинений «(перелицованное под «политологию» и «историографию» старое платье)»; «отсутствие научной школы»; хронологию «(приоритет новейшей, понятой в политоло-

логическом ключе «истории»)); непрофессионализм и одновременно нигилизм по отношению к русской историографии; игнорирование человека – «центральной фигуры исторического процесса, психологической составляющей истории».

Разделяя большинство высказываний автора и понимая, что причина их возникновения кроется в стремлении к скорейшей ликвидации вопиющей, а нередко и воинствующей «историографической безграмотности» у части молодых исследователей, позволю себе не согласиться с тезисом уважаемого Александра Станиславовича об отсутствии в Иркутске «научной школы».

Понятие «научной школы» – имеет многогранный характер, однако предполагает помимо прочего, по крайней мере, наличие двух составляющих: учителей и последователей-учеников, а также существование общей методологии в историографическом и историческом исследовании. Есть ли в Иркутске такая историческая школа? Думается, есть. У ее истоков стояли исследователи дореволюционной школы, затем ученые 1920–1940-х годов, их дело подхватили и успешно развивают поныне «шестидесятники». Да, каждый крупный ученый ведет свое направление и имеет своих последователей, но вместе – это единое сообщество, школа, имеющая общие корни и традиции. Задача современных исследователей – сохранить преемственность, избежать «разрывов», внести свое, новое.

Соотношение между преемственностью исторического поиска и вносимыми в него современными новациями можно проследить и сквозь призму существующей в Иркутске традиции исторической биографии, заложенной еще В.Т. Агалаковым, В.И. Дуловым, Ф.А. Кудрявцевым, С.В. Шостаковичем. Весьма продуктивно в этом жанре работает профессор Юрий Александрович Петрушин. Только за несколько последних лет им созданы творческие портреты Л.М. Дамешека, В.К. Ершова, И.И. Кузнецова, И.С. Чижова и других исследователей. Была положительно отмечена и книга «Н.Н. Щербаков: ученый и педагог», вышедшая в 2006 г. под редакцией этого ученого.

Что же привлекает Ю.А. Петрушина в его героях? Прежде всего, это «корни» человека, его связь с людьми труда. Он считает, что общение с человеком, ценящим свой нелегкий труд хлебороба или рабочего, дает очень много будущему историку, прививает у него интерес к человеку, его непростой судьбе («простых» судеб не бывает), помогает найти свою самостоятельную позицию и в выборе методологии, и в выборе темы своего конкретного исследования.

Следует отметить и еще одну особенность портретов, создаваемых Ю.А. Петрушиным. Автор всегда стремится рассматривать своего героя в контексте того времени, когда жил или живет историк. Такой подход дает исследователю ключ к пониманию и правильному прочтению его творче-

ства, к оценке вклада в историческую науку.

Вот, например, биографические зарисовки о профессоре Л.М. Даме-шеке⁷. Написанные, казалось бы, в связи с совершенно конкретным поводом – 60-летием ученого, они выходят далеко за рамки юбилейной тематики. Уже в названии вступительной статьи «Личность историка и вызовы времени...» просматривается отмеченный ранее подход. Ю.А. Петрушин стремится показать, прежде всего, процесс формирования исследователя, общественную, политическую и научную среду, оказавшую влияние на его становление. При этом автор заостряет внимание на, казалось бы, очевидном, и от того не всегда заметном. Например, выбор темы научного исследования. Как происходит определение темы будущей диссертации? Что это, цепочка случайностей; воля руководителя, продолжающего углублять «свою» тематику; осознанное стремление самого молодого исследователя?

Ю.А. Петрушин неоднократно подчеркивает взаимосвязь и взаимовлияние учителя и ученика. По его представлению, именно учитель раскрывает перед своим молодым коллегой «горизонты» и перспективы исследования проблемы, формирует культуру работы с источником. Ученик же должен обладать «здоровой амбициозностью», умением открыть еще неизведанные грани своего предмета.

По мысли Ю.А. Петрушина, важнейшее значение в становлении молодого историка играет «живое» общение с коллегами из других городов и регионов. Участие во всякого рода конференциях, «школах» помогает не только заявить о себе или проверить свои выводы, но, что важно, расширяет кругозор самого ученого, заставляет его сравнить свою работу с подобными в регионе. Такое общение позволяет избежать «мелкотемья», «узкого взгляда на исторические события», излишней описательности, что, по мнению автора, нередко встречается в нашем регионе.

Мы коротко отметили творчество лишь трех исследователей. Рамки настоящей статьи не позволяют сделать это более основательно, а также рассмотреть труды других ученых, работающих в историографическом жанре. Но настоящий выпуск Известий госуниверситета не последний и можно, нет, нужно, продолжить эту тему.

Примечания

1. Методологические и историографические вопросы исторической науки: сб. статей / отв. ред. Б.Г. Могильницкий, И.Ю. Николаева. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. – Вып. 28. – 358 с.
2. См., например: Могильницкий Б. Г. Альтернативность исторического развития в ленинской теории народной революции // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 9. – Томск, 1974; Он же. О природе исторического познания. – Томск, 1978; Он же. Историческая необходимость и историческая закономерность: выбор путей общественного разви-